

The University of St. Petersburg
Faculty of Asian and African Studies
Institute of Interdisciplinary Study of Korea
Center for Korean Language and Culture

Санкт-Петербургский государственный университет
Восточный факультет
Институт междисциплинарных исследований Кореи
Центр корейского языка и культуры

**PROCEEDINGS
OF THE CENTER FOR KOREAN
LANGUAGE AND CULTURE**

Issue 15

Publishing House of the University of St. Petersburg
St. Petersburg
2013

**ВЕСТНИК
ЦЕНТРА КОРЕЙСКОГО
ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ**

Выпуск 15

Издательство Санкт-Петербургского университета
Санкт-Петербург
2013

ББК 63.3 (5 Кор)
B38

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Корейского фонда (The Korea Foundation),
Республика Корея

Российская ассоциация
университетского корееведения

Редколлегия: д-р ист. наук С. О. Курбанов, д-р филол. наук А. Ф. Троцевич,
канд. филол. наук И. В. Цой, канд. филол. наук А. А. Гурьева, А. А. Васильев

Печатается по постановлению

Редакционно-издательского совета Восточного факультета
С.-Петербургского государственного университета

Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 15 /
B38 Отв. ред. С. О. Курбанов. — СПб., 2013. — 383 с.
ISSN 1810-8008

Пятнадцатый выпуск «Вестника Центра корейского языка и культуры» подготовлен в рамках исследовательской деятельности образованного в 2013 г. «Института междисциплинарных исследований Кореи» Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, в состав которого вошел «Центр корейского языка и культуры».

«Вестник» представляет научные статьи и материалы по различным аспектам корееведения: лингвистике, литературоведению, истории, политике, культуре, этнографии Кореи. Авторами «Вестника» являются петербургские корееведы, их коллеги из других городов России, а также авторы из ближнего и дальнего зарубежья.

The 15th Issue of the «Proceedings of the Center for Korean Language and Culture» contains articles published in the frameworks of research activities of newly established (2013) «Institute of Interdisciplinary Study of Korea» of the Faculty of Asian and African Studies. The Center for Korean Language and Culture has become one of departments of the Institute.

«Proceedings» comprise a wide range of Korean-Studies related materials: Linguistics, Literature, Culture, History, Politics and Ethnology of Korea. The authors of the «Proceedings» include St. Petersburg's Koreanologists as well as their colleagues from other cities of Russian Federation and abroad.

© Авторы статей, 2013

© Институт междисциплинарных
исследований Кореи, 2013

© Центр корейского языка и культуры СПбГУ, 2013

ISSN 1810-8008

СОДЕРЖАНИЕ

К изданию 15-го юбилейного выпуска Вестника

- Цой И. В. К изданию 15-го юбилейного выпуска «Вестника Центра корейского языка и культуры»: обзор публикаций 7

Лингвистика

- Аникина В. В. Интерпретация грамматических характеристик корейского глагола в теориях европейских лингвистов XIX в. 19
Похолкова Е. А. Наработки корейского отделения Московского государственного лингвистического университета в сфере перевода и переведоведения 30
Чон Ян Ок. Основные трудности российских студентов в освоении корейского произношения 57

Текстология

- Троцевич А. Ф. «Девятиярусная пагода в монастыре Хванъёнъса»
(Самгук юса: проблемы интерпретации текстов) 59
Курбанов С. О. Многомерный анализ текста как способ извлечения информации из первоисточников (На примере первой публичной речи лидера КНДР Ким Ченъна от 15 апреля 2012 г.) 100

Литературоведение

- Соегов М. Взгляд на предполагаемое родство корейского и туркменского языков через призму сравнительного сказковедения (в связи с вопросом о трансформации мифов в сказки) 108
Гурьева А. А. Музыкальные *каса* («12 *каса*»): прошлое и настоящее 124
Цой И. В. Несколько слов о методике преподавания спецкурса по современной корейской литературе (на примере отделения корейской филологии СПбГУ) 135

Ли Сан Юн. Критический обзор переводов корейской литературы в России в 1990–2010 гг. 147

История, политика

Смирнов П. А. Отношения Кореи и Японии в XI веке	161
Хохлов А. Н. Д. В. Путята и его план модернизации корейской армии (1896–1898)	172
Троцевич А. Ф. Подвиг Ан Чунгына. Взгляд через 100 лет (несколько слов о событиях в Харбине 1909 г.)	203
Игнатьева И. С. Предпосылки и возникновение первых ёсон ундон на Корейском полуострове. 1880–1950-е гг.	212
Ж. Г. Сон. Пак Хонъён — патриот-демократ (1901–1955)	227
Дмитриевская Н. В. Регионализм в политике Республики Корея (1961–1979; 1997–2003).	259
Лачина Е. В. Государственная политика Республики Корея в области физической культуры и спорта в XX–XXI вв.	301

Культура, этнография

Кузнецова А. Г. Институт королевской кухни в эпоху Чосон (1392–1897)	326
Киреева Л. И. Син Санок: эскиз портрета	351
Ю. И. Дин. Этническая идентификация корейцев Сахалинской области	361

Новые требования к рукописям, представляемым для публикации в «Вестнике Центра корейского языка и культуры» 381

К ИЗДАНИЮ 15-ГО ЮБИЛЕЙНОГО ВЫПУСКА ВЕСТНИКА

И. В. Цой

Санкт-Петербургский гос. ун-т

К ИЗДАНИЮ 15-ГО ЮБИЛЕЙНОГО ВЫПУСКА «ВЕСТНИКА ЦЕНТРА КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ»: ОБЗОР ПУБЛИКАЦИЙ

В ноябре 2012 г. в Санкт-Петербургском государственном университете российские корееведы отметили 115 лет с начала преподавания корейского языка в стенах университета, и эта знаменательная дата послужила поводом для подведения достойных итогов в деле изучения Кореи в России. В честь празднования этой даты была проведена международная конференция, на которую приехали корееведы не только из разных регионов России, но и из других стран ближнего и дальнего зарубежья. Часть докладов, зачитанных на конференции и оформленных в виде научных статей, публикуются в 15-м, по-своему юбилейном, выпуске «Вестника Центра корейского языка и культуры».

По сложившейся традиции, с выходом из печати юбилейного номера «Вестника» мы подводим определенные итоги, представляя обзор тех публикаций, которые были помещены в предыдущих номерах. Первая обзорная статья вышла в 10-м выпуске «Вестника» (2008), соответственно, второй обзор мы помещаем в 15-м выпуске (2013) и представим публикации, вышедшие в номерах с 11-го по 14-й, т. е. за прошедшие 4 года (2009–2012).

К счастью для всех петербургских корееведов, «Вестнику» удалось избежать судьбы тех печатных изданий, которые прекратили свое существование из-за отсутствия финансирования. Таким образом, слова ответственного редактора «Вестника», профессора С. О. Курбанова, прозвучавшие в 10-м выпуске, о том, что «издателям и читателям «Вестника Центра корейского языка и культуры» очень хочется надеяться на то, что у «Вестника» найдутся настоящие друзья, которые помогут журналу выжить в непростых

Краткий анализ содержания выпусков «Вестника Центра корейского языка и культуры» показал, как плодотворны и полезны усилия многочисленного коллектива отечественных и зарубежных корееведов в деле изучения Кореи. Кроме того, желание открывать для себя новые грани в различных корееведческих областях говорит о том, насколько огромен потенциал творческих сил и исследовательского рвения и у старшего поколения, и у молодых ученых и студентов. Можно с уверенностью сказать, что «Вестник» — это один из примеров профессионального издания, в котором органично сочетаются и сугубо научные статьи, и работы, в которых авторы открывают все богатство корейской культурной традиции широкой читательской аудитории.

ЛИНГВИСТИКА

В. В. Аникина
НИУ ВШЭ (Москва)

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК КОРЕЙСКОГО ГЛАГОЛА В ТЕОРИЯХ ЕВРОПЕЙСКИХ ЛИНГВИСТОВ XIX ВЕКА

Европейские лингвисты второй половины XIX в., такие как Дж. Скотт (годы жизни неизвестны)¹, Г. Ундервуд (1859–1916)², правомерно считали корейский язык малоизученным. Г. Ундервуд писал о том, что в Корее не существует фундаментальных трудов, дающих ясное представление о грамматической структуре языка. Кроме того, сами корейцы не имеют системных знаний в области лингвистики³.

Отсутствие структурного описания корейского языка стало одной из причин, повлиявших на начало его изучения европейскими лингвистами. Первые теоретические и практические грамматики корейского языка, созданные в лучших традициях европейского языкоznания, появились в XIX в. Ученые описывали структуру языка, применяя правила европейской лингвистики.

В XIX в. в Европе все еще были популярны и оказывали большое влияние на формирование взглядов лингвистов труды таких ученых, как Р. Декарт, Г. Лейбниц, А. Арно и К. Лансло. Основная идея универсальной грамматики [монастыря] Пор-Рояля, авторами которой являются аббаты А. Арно и К. Лансло (XVII в.), заключается в том, что операции мышления у всех людей одинаковы. Следовательно,

¹ Британский вице-консул в Ичхоне, автор книги «A Corean Manual or Phrase Book; With Introduction Grammar», изданной в Шанхае в 1887 г. — Прим. составителя.

² Протестантский миссионер, ученый. Родился в Лондоне; в 12 лет вместе с семьей эмигрировал в США. Приехал в Корею в 1885 г., где прожил до 1916 г. В 1916 г. по причине болезни вернулся в США, в г. Атлантик-Сити, где и скончался. — Прим. составителя.

³ Underwood H. G. An Introduction to the Korean Spoken Language // Seishi Bunsa Review. 1890. P. 2.

в любом языке можно обнаружить универсальные формы логического мышления, будь то представление, суждение или умозаключение. Такое утверждение дало основание предполагать, что универсальные формы человеческого рассудка являются ключом к описанию любого языка. Подобное описание должно строиться на обязательном соотнесении форм языка с логическими формами мышления.

Философские суждения ученых XVII в. об универсальности грамматических норм, получившие признание в европейском языкоизнании в XIX в., легли в основу создания первых грамматик корейского языка. Европейские лингвисты, работавшие над описанием корейского языка, рассматривали такие суждения как оптимальные, поскольку они позволяли соотносить отдельные единицы языка с формами мышления и на основании этого выводить общие категории, свойственные и корейскому, и европейским языкам.

Глагол согласно «Грамматике Пор-Рояля» является «словом, обозначающим утверждение, с указанием на лицо, число и время»⁴. А. Арно и К. Лансло отмечают, что разнообразие лиц и чисел в глаголах объясняется тем, что люди в целях сокращения своей речи начали присоединять в рамках одного слова к утверждению (глаголу) субъект предложения.

Грамматисты Пор-Рояля объясняли появление категории лица глагола с точки зрения не конкретного человека, являющегося носителем одного какого-то языка, а некоего обобщенного коллектива. Так, рассуждая о появлении глаголов первого и второго лица, лингвисты утверждали следующее: «Для того, чтобы избавить себя от необходимости постоянно употреблять в речи местоимения, решили, что вполне достаточно приписать слову некоторое окончание, которое обозначало бы, например, что мы говорим о себе. Такое употребление глагола было названо первым лицом»⁵.

Второе лицо было создано так же, как и первое, только в отношении того, кому адресована речь; что касается третьего лица глагола, то согласно утверждениям А. Арно и К. Лансло оно является основой глагола. Следует отметить, что грамматисты упоминали и о восточных языках, для которых третье лицо глагола является основным, поскольку это естественно, чтобы глагол выражал «в первую оче-

⁴ Арно А., Лансло К. Грамматика общая и национальная Пор-Рояля. М., 1990. С. 155.

⁵ Там же. С. 157.

редь утверждение, не обозначая специально какого-либо подлежащего, и лишь затем при помощи изменения флексии определялся бы как содержащий в качестве подлежащего первое или второе лицо»⁶.

Разработчики универсальной грамматики выделяли три простых и три сложных времени. К простым временам относили настоящее, прошедшее и будущее, а к сложным — прошедшее несовершенное (*prétérit imparfait*), вдвойне прошедшее или давнопрошедшее (*plus-que-parfait*), будущее в его отношении к прошедшему или будущее совершенное времена (*le future parfait*)⁷.

В грамматике Пор-Рояля наклонение глагола имеет следующие виды: сослагательное, желательное, уступительное, повелительное (императив). Как утверждают А. Арно и К. Лансло, у глагола есть категория залога, ими выделялись: действительный залог, обозначающий действие; страдательный залог, обозначающий претерпевание; средний залог, обозначающий действие, не переходящее на внешние предметы⁸.

Схожее объяснение естественного появления категорий глагола обнаруживается и в теории немецкого лингвиста Г. Пауля (1846–1921). Он пишет о бессознательной связи между различными временами, наклонениями, лицами одного и того же глагола в силу сходного звучания и родственного значения. Такие связи могут проявляться и оказывать действие, не будучи осознанными, они не должны приравниваться к грамматическим категориям, хотя обычно и совпадают с ними⁹.

Протестантский миссионер, исследовавший корейский язык, — Г. Ундервуд отмечал, что самое трудное в изучении глагола корейского языка заключается не в разнообразии временных форм или форм наклонения, а в большом количестве существительных, наречий, союзов, которые сочетаются с ним. Ученый утверждал, что корейский глагол абсолютно безличен и не имеет категории числа. При этом он делал оговорку, что существует ряд глаголов, лицо которых можно определить по значению самого глагола в предложении, — например, в повелительной форме. Такое направление поиска категории лица у глаголов в корейском языке косвенно указывает

⁶ Там же. С. 158.

⁷ Там же. С. 162.

⁸ Там же. С. 172–175.

⁹ Пауль Г. Принципы истории языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.classes.ru/grammar/135_Zvegintsev/worddocuments/114.htm (дата обращения 24. 09. 2012).

на обращение автора к европейским «универсальным правилам». В частности, на этот вывод вполне мог повлиять хорошо знакомый Г. Ундервуду немецкий язык, в котором повелительные формы глагола являются носителями значения лица.

Г. Ундервуд подразделяет глаголы на собственно глаголы (*active*) и глаголы состояния (*neuter*), или дескриптивные глаголы (*adjectival verbs*). Отмечается, что собственно глаголы могут быть активными/пассивными, переходными/непереходными. Корейский глагол обладает тремя формами залога: активным, каузативным и пассивным, но эти три формы залога, в отличие от английского языка, не всегда отчетливо прослеживаются в корейском. Некоторые глаголы имеют одинаковую форму для активного и каузативного залогов. Каузативный залог образуется с помощью суффиксов, которые присоединяются к основе глаголов: 오 [o], 우 [y], ㅇ [i], ㅎ [xi], например, 죽이 오 [чук-ио] (убивать), 먹이 오 [мёк-ио] (съедать), 뵈어 [пёе-ё] (показывать). Пассивный залог образуется путем присоединения к основе глагола суффикса ㅇ [i], например, 여오 [йдо] (открывать) — 열나오 [йбл-нио] (быть открытым)¹⁰.

Г. Ундервуд отмечает, что корейский глагол обладает только одним основным (*basal*) спряжением, которое имеет различные формы наклонения и времени. Так же как и авторы грамматики Пор-Рояля, он выделяет формы простого и сложного времени. Однако к простому времени относятся настоящее (*Present*), прошедшее (*Past*), будущее (*Future*) и прошедшее в будущем (*Future Past*), а к сложному времени — продолженное время (настоящее или прошедшее) (*The Progressive (present or past)*), продолженное будущее (*Continued Future*), возможное прошедшее в будущем (*Probable Future Past*) и давнопрошедшее (*Pluperfect*)¹¹.

Г. Ундервуд, отдавая приоритет морфологии, сумел выделить большое количество видо-временных форм глагола. Руководствуясь морфологическими критериями, он описал сложные сочетания временных суффиксов. В частности, для выражения предположения совершения действия к основе глагола присоединяются два временных суффикса, а именно суффикс прошедшего времени ㅆ [ot] и будущего времени 겠 [ket]. Предположительно, наличие суффикса будущего времени 겠 [ket] дало основание Г. Ундервуду утверждать,

¹⁰ Underwood H. G. An Introduction to the Korean Spoken Language. P. 91–93.

¹¹ Ibid. P. 98.

что действие, выраженное сочетанием 얹겠 [откет], имеет отношение к будущему.

Морфологический критерий, которого придерживался Г. Ундервуд в объяснении образования видо-временных форм, отсылает нас к грамматике английского языковеда Г. Суита (1845–1912). Английский ученый в синтаксической классификации частей речи, тем не менее, пользуется морфологическими критериями для объяснения категорий времени и залога у личных и неличных форм глагола.

Кроме видо-временных форм глагола Г. Ундервуд, следуя канонам универсальной европейской грамматики, выделяет два вида наклонения: изъявительное (повествовательное и вопросительное) и побудительное (пригласительное и повелительное). Ученый отмечает, что формы наклонения выражены формами конечной сказуемости, которые варьируются в зависимости от степени вежливости. Г. Ундервуд определяет четыре уровня вежливости: невежливый, который используется при обращении к детям, службам; фамильярный — при обращении к друзьям и службам, старшим по возрасту; вежливый — при обращении к равному; почтительный — при обращении к старшему по возрасту или по должности¹².

Вопросительная форма образуется с помощью специальных грамматических форм. Например, вопросительная форма глагола «делать»: ㅎ나니 [ха-ныни] — невежливая форма, ㅎ느뇨 [ха-нынио] — фамильярная форма, ㅎ오 [ха-о] — вежливая форма, ㅎ느니잇가 [ха-ныниитка] — почтительная форма, где к основе глагола ㅎ [ха] — (делать) присоединяются вопросительные суффиксы -느니 [ныниа] /느뇨 [нынио] /느니 [ныни]. Выбор того или иного суффикса зависит от степени вежливости.

Побудительное наклонение, так же как и изъявительное, обозначается специальными грамматическими суффиксами, присоединяемыми к основе глагола. Например, пригласительная форма побудительного наклонения обозначается следующим образом: глагол «делать» ㅎ다 [ха-да] — ㅎ자 [ха-чжа] (давай сделай) — невежливая форма, ㅎ지 [ха-чжи] (давай сделай) — фамильярная, ㅎ읍시다 [ха-ыпсида] (давайте сделайте) — почтительная; повелительная форма — ㅎ여라 [ха-йбара] (делай) — невежливая форма,

¹² Ibid. P. 106–107.

하-게 [xa-ge] (делай) — фамильярная, 하-오 [xa-o] (делайте) — вежливая, 하-시 오 [xa-sio] (делайте) — почтительная¹³.

В рамках исследования особенностей корейского глагола особое внимание Г. Ундервуд уделяет рассмотрению причастий. Это закономерно, так как еще грамматисты Пор-Рояля подробно описывали данную часть речи. Г. Ундервуд, рассматривая класс причастий, проводит параллели с греческой грамматикой. Ученый выделяет глагольное причастие, известное в греческой грамматике как причастие, и относительное причастие, известное как глагольное прилагательное. Глагольные причастия образуются путем присоединения к основе глагола окончаний 여 [йо], 여 [йа], 게 [ке], где окончания 여 [йо], 여 [йа] обозначают прошедшее время, а 게 [ке] — будущее время, например, 하여 [xa-йо] (делая), 하여서는 [xa-йо-сыонын] (сделав это...), 밥 먹게 오너라 [pan mok-ke o-nora] (Рис есть приходи или Иди есть). К глагольным причастиям относятся сложные формы, состоящие из главного и служебного глаголов, например, 가져오오 [ка-чжийбоо] (досл. неся прийти или принести), где к основе главного глагола 가지나 [ка-чжиды] (иметь, обладать) посредством окончания деепричастия прошедшего времени 여 [йо] присоединен служебный глагол 오다 [о-да] (приходить). Причем обращается внимание на то, что данные причастия необходимо переводить как глаголы¹⁴.

Относительные причастия образованы от глагольных прилагательных. В предложении они всегда препозитивны к существительным. Переводятся причастия на английский язык предложениями с относительными местоимениями.

Причастие настоящего времени образуется путем присоединения к основе глагола окончания 는 [ын], например, 외국에 가면 아는 사람이 적소 [үегуге ка-мйон а-ын сарами чёк-со] (Если едешь за границу, людей, которых знаешь мало, или Если едешь за границу, знакомых людей мало)¹⁵.

Причастие прошедшего времени образуется путем присоединения к основе глагола окончания 은 [ын], например, 네가 뱃은 편지 어디 두었느냐 [нега пасын пхёнчжи бди ту-йтныни] (Куда ты положил письмо, которое получил? или Куда ты положил полученное письмо?). Причастие будущего времени образуется путем

¹³ Ibid. P. 110–111.

¹⁴ Ibid. P. 122.

¹⁵ Ibid. P. 124.

присоединения к основе глагола окончания 은 [ы], например, 서울 갈 사람을 내가 기다리오 [сбул ка-л сарамыл нэга кидари-о] (Я жду человека, собирающегося в Сеул или Я жду человека, который подходит в Сеул)¹⁶.

Причастие прошедшего в будущем времени выражается путем присоединения к основе глагола окончания 실 [сил], например, 편지가 왓실 줄 알았더니 아니 왓소 [пхёнчига ўат-сил чул араттони ани ўа~ат-со] (Письмо, о котором я думал, что оно пришло, не пришло или Я думал, что письмо пришло, но это не так). В данном случае ученый, основываясь на морфологическом анализе причастия, снова относит действие, возможно совершенное в прошлом, к будущему. К основе причастия присоединены суффиксы прошедшего — 업 [йт] и будущего времени –실 [сил].

Г. Ундервуд и Дж. Скотт утверждают, что в корейском языке наличествуют супины и герундии. Напомним, что еще в грамматике Пор-Рояля эти формы назывались не чем иным, как именами существительными, имеющими страдательный смысл в случае супина и активный смысл в случае герундия¹⁷.

Г. Ундервуд, описывая супины корейского языка, считает их эквивалентами латинских супинов, оканчивающихся на -um. К супинам относятся окончания 라 [рб] или 라 [ра], которые присоединяются к основе глагола. Данная форма заменяет окончание деепричастия прошедшего времени, например 공부 하라 왓소 [конъбу ха-рб ўа~ат-со] (Пришел учиться) или 래일 일하러 오너라 [рэил илха-рб о-нора] (Приходи завтра работать)¹⁸.

Дж. Скотт затрагивает вопрос о формах герундия, которые обозначены теми же окончаниями 라 [ра] / 려 [рёб], что выделены Г. Ундервудом. Однако в отличие от Г. Ундервуда Дж. Скотт отмечает обязательное сочетание данных окончаний с глаголами 가다 [ка-да] (идти, уходить) или 오다 [о-да] (идти, приходить), например, 물건 사라 왓소 [мулгён са-ра ўа~ат-со] (Вещь купить пришел или Пришел купить вещь), 돈 갑흐리 온나 [тон капхы-рб он-да] (Деньги заплатить пришел или Пришел заплатить деньги)¹⁹.

¹⁶ Ibid. P. 129.

¹⁷ Ароно А., Лансло К. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля. С. 187.

¹⁸ Underwood H. G. An Introduction to the Korean Spoken Language. P. 132.

¹⁹ Scott J. A Corean manual or Phrase book with Introductory Grammar // The China Review. 1887. P. 59.

Вопрос о наличии супинов и герундия в корейском языке, который подняли практически одновременно Г. Ундервуд и Дж. Скотт, указывает на то, что сложные аспекты языка лингвисты старались объяснять с помощью доступных, известных и всеми признанных правил европейской грамматики. Можно предположить, что Г. Ундервуд назвал глагол с окончанием *-러* [рɒ] супином, потому что супин на английский язык переводится инфинитивом *to*, но в латинском обозначает существительное. Следовательно, и корейское предложение «*공부 하러 왔소*» [конъбу ха-рɒ ю~ам-со] можно перевести как «*He has come to study*» или «*пришел за учебой*». Что касается герундия, который описывает Дж. Скотт, то очевидно, что ученый, считая герундием существительное, проводил параллель с английским языком, относя *-러* [рɒ] к падежному окончанию.

Позднее, в XX в., А. А. Холодович выразит иную точку зрения на природу данных формативов и назовет их окончаниями деепричастия цели²⁰.

Перед Г. Ундервудом, Дж. Скоттом, так же как и перед остальными европейскими лингвистами XIX в., стояла сложная задача — описать язык другой системы, имеющий мало общего с уже известными языками. В этом случае аналогия требовала весьма больших условностей и нередко — спорных решений. В итоге же она приводила к чрезмерной универсализации описаний грамматики корейского языка.

Возможно, Г. Ундервуд не затрагивает тему служебных глаголов в корейском языке в связи с тем, что в европейской грамматике, в частности в грамматике Пор-Рояля, упоминаются только два служебных глагола, которые свойственны всем языкам. Это глаголы «*être*» («быть») и «*avoir*» («иметь»). Они называются «вспомогательными, поскольку служат для того, чтобы с их помощью образовывать различные времена глаголов посредством сочетания с причастием прошедшего времени от любого глагола»²¹.

Однако авторы Пор-Рояля допускают наличие в некоторых языках других вспомогательных глаголов. Этим утверждением и воспользовался Дж. Скотт, который, в отличие от Г. Ундервуда, подробно рассмотрел вопрос о вспомогательных (служебных) глаголах, использующихся в аналитических формах с деепричастиями

предшествования, оканчивающимися на *아* [a] / *어* [ə]. Дж. Скотт выделяет следующие служебные глаголы: *보다* [по-да], *가다* [ка-да] / *오다* [о-да], *주다* [чу-да], *하다* [ха-да], например *먹어보다* [мёк-бода] (пробую поесть (пробую)). Данный глагол состоит из основного глагола *먹다* [мёк-та], к основе которого присоединена аналитическая форма попытки действия *어보다* [ёпода]. Последняя состоит из окончания деепричастия предшествования *어* [ə] и служебного глагола *보다* [по-да]²².

Дж. Скотт, так же как и Г. Ундервуд, указывает на то, что глаголы могут принимать видо-временные формы и формы наклонений. Он выделяет четыре основные формы спряжения: простую, условную, вопросительную и вежливую. К простым он относит формы глаголов изъявительного и побудительного наклонения. Например, глагол «делать» *하다*: настоящее время (*한다* [хан-да] (делаю)), прошедшее (*하였다* [ха-йтта] (сделал)) и будущее время (*하겠다* [ха-гетта] (буду делать)), побудительное наклонение выражается с помощью окончаний *여라* [йора], *자* [ча], где *여라* [йора] — окончание повелительной формы, *자* [ча] — окончание пригласительной формы, например *하여라* [ха-йора] (делай), *하자* [ха-чжа] (давай сделай).

В рамках простого спряжения рассматриваются причастия настоящего времени (*하는* [ха-нин] (делающий)), прошедшего (*한* [ха~н] (делавший)), будущего (*할* [ха~л] (досл. сделающий)) и перфектного времени (*하였* [ха-йё] (досл. сделалший)). Условное спряжение, согласно Дж. Скотту, выражается двумя формами — *면* [мён], *거든* [кёдён] (если), которые присоединяются к основе неконечного глагола, например *하면* [ха-мён], *하거든* [ха-кёдён] (если сделаю). Вопросительная форма выражается с помощью окончаний *나* [ниа] / *느니* [ниниа], например, *하느냐* [ха-ниниа] (делаешь?)²³.

Г. Ундервуд и Дж. Скотт рассматривали также вопрос о способности глагола переходить в другие части речи. Оба лингвиста выделяют отлагольное существительное, которое образуется путем присоединения к основе глагола субстантивных окончаний, — *ㅁ* [м] / *음* [ым]; *ㄱ* [ки]. Дж. Скотт обращает внимание на причастное существительное (*participial noun*), образующееся от причастий настоящего, прошедшего и будущего времени путем добавления

²⁰ Холодович А. А. Очерк грамматики корейского языка. М., 1954. С. 162.

²¹ Арно А., Лансло К. Грамматика общая и национальная Пор-Рояля. С. 187.

²² Scott J. A Corean manual or Phrase book with Introductory Grammar. P. 56–57.

²³ Ibid. P. 41–43.

к ним аналитической формы **줄 알다** [чул ал-да] / **모르다** [моры-да] со значением «знать/не знать что-то». Кроме того, Дж. Скотт отмечает, что в корейском языке есть наречия, которые являются производными формами от глагола и образуются путем присоединения к основе глагола окончания **-기** [ке], например основа глагола **열** [йол]- + **-기** [ке] (*открыто*)²⁴.

Такие рассуждения о переходе глагола в другие части речи (причастие или наречие) заставляют вспомнить грамматику Г. Суита, где вводится понятие частичной конверсии. В результате последней слово приобретает формальные показатели сразу двух частей речи. При конверсии показателем конвертированного слова служит его грамматическая оформленность. Конвертированное слово должно приобрести формальные черты той части речи, в которую оно перешло. Конверсия согласно теории Г. Суита является синтаксико-морфологическим словообразовательным процессом, который начинается с синтаксиса и заканчивается морфологией²⁵.

Подводя итог вышесказанному о глаголе и причастии, следует отметить характерные трудности и противоречия, обусловленные чрезмерным универсализмом описаний. Во-первых, Г. Ундервуд впервые указал на отсутствие у глагола категорий числа, лица. Он выделил четыре уровня вежливости и отметил, что каждый из них выражается определенной грамматической формой. Кроме того, он обозначил группу относительных причастий. В то же время сомнительна правомерность отнесения к причастиям аналитических форм, состоящих из главного и служебного глаголов. Ученый акцентировал внимание на значении составных частей данной формы, а не на полном значении, которое они образуют в составе аналитической конструкции. Во-вторых, Дж. Скотт впервые описал класс служебных глаголов корейского языка. Видо-временные формы глаголов рассматривались в сравнении с родным языком исследователя, что приводило к созданию весьма сложной классификации видо-временных суффиксов. В-третьих, утверждения о том, что в корейском языке существуют формы герундия и супинов, свидетельствуют о том, что ученые, обнаруживая идиоматичные черты языка, пытались объяснить их с помощью правил универсальной грамматики.

²⁴ Ibid. P. 54.

²⁵ Кубрякова Е. С. Конверсия в современном английском языке // Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. № 2. С. 33–37.

Резюме

В статье раскрывается вопрос описания грамматических категорий корейского глагола европейскими лингвистами второй половины XIX в. Отмечается тот факт, что описание структуры корейского языка происходило в условиях сопоставления с европейскими грамматиками. Авторы первых грамматик корейского языка положили в основу описания философские суждения об универсальности грамматических норм, представленные лингвистами А. Арно и К. Лансло в грамматике Пор-Рояля.

Ключевые слова: универсальность грамматических норм, грамматические категории глагола, дескриптивные глаголы, причастия.

Summary

This article introduces the verb's categories offered by Europe linguists in second half of the 19th century. Description of the structure of the Korean language was made in comparison with the grammar of the European languages. Authors of the first Korean grammar based their theories on philosophical perceptions about universalism of grammatical standards represented by A. Arnauld and Cl. Lancelot in Port-Royal grammar.

Keywords: universalism of grammatical standards, grammatical categories of the verb, descriptive verbs, participle.